

(Даша, сидящая рядом, мгновенно реагирует: «Неправда!»)

— Неужели Даша так круто изменила твою жизнь?

— Да. Живя с Дашей, я не испытываю никаких желаний на модных тусовках щипать девчонок за попки или водить развеселые хороводы у себя в квартире. Кроме Даша, мне никого не хочется. Во всех смыслах. И в высоком, и в самом земном.

— Ты о чем-то жалеешь?

— Да нет. Я благодарен всем женщинам, с которыми жил. Мы расходились не потому, что они были плохи, или потому, что я — гад. Просто зачем быть вместе, когда любовь изживает самую себя?

— Ты помнишь каждую женщину, включая тех, с кем проводил лишь ночь?

— Ну нет, разумеется. Каждую все-таки было бы трудно запомнить.

— Уж коль у нас такой откровенный мужской разговор получается, скажи: у тебя от знакомства до постели сколько времени проходит?

— По-разному. Но могу однозначно сказать, что никогда не кидаюсь на женщину, как это делали шахтеры из одного произведения Эмиля Золя: где их настигнет страсть, там они и набрасывались на свой объект вождления. У меня ведь ярко выраженная форма парафилии.

— Чего?

— Это форма невроза, которая, однако, не сопровождается химическими изменениями в коре головного мозга. (Смеется.) Это когда человек получает удовольствие от долгого ожидания, предвкушения. Когда вначале непременно — неторопливая беседа при свечах и шампанском, и лишь под утро... Психология, философия секса меня увлекают не менее, чем сам секс. Казанова — вот прекрасный образец парафилии.

— Ты не держишь зла ни на одну женщину, даже если она оставляла тебя?

— Такого что-то я не припомню.

— Ты, стало быть, всегда первый пре-
кращал отношения?

— Как правило, мы расставались по взаимному согласию.

— Тебе-то наверняка популярность помогает знакомиться с женщинами?

— Да что ты! Как раз наоборот! Это только кажется, что звездность позволяет

«Даша — воплощение роскошного ростовского архетипа: девушка крупной лепки с известными выпуклостями на теле»